

«О СБОРНИКЕ «ЧАША ЖИЗНИ»»

...Ce sentiment de la nature je le remarque aussi chez M. Ivan Bounine. Il se mêle intimement aux récits qu'il nous offre sous le titre «Le Calice de la Vie» qui est celui du premier conte du recueil et l'un des plus saisissants en sa rigoureuse âpreté. Nous y trouvons également «Le Berger» et l'étonnant récit qui s'appelle «Au Pays des Morts», où l'art de M. Bounine, en ses concises profondeurs, en sa force évocatrice, en sa mystérieuse et subtile puissance, apparaît avec toute sa maîtrise. M. Ivan Bounine a l'imagination pessimiste et il observe les êtres avec une ironie compréhensive (...) Certes, les hommes ne sont ni beaux, ni bons, mais autour d'eux n'y a-t-il pas la beauté des choses? Il y a les arbres et les fleurs, le ciel et la lumière, les eaux qui coulent, les nuages qui passent; il y a les saisons: le printemps avec ses renouveaux, l'automne avec ses déclin, l'été avec ses plénitudes, il y a l'hiver avec ses neiges infinies, avec la contraction crispée de ses gels, avec ses brèves journées et ses longues nuits toutes scintillantes d'étoiles glaciales, ces nuits ténébreuses et endiamantées où le froid est une présence et une odeur, et dont M. Bounine arrive à nous donner l'impression exacte, la sensation matérielle.

A cette compréhension de la nature M. Bounine joint une amère et perspicace science de l'homme.

Перевод:

...Это чувство природы я замечаю также у г. Бунина. Им глубоко проникнуты рассказы, вошедшие в сборник «Чаша жизни», получивший название по первому и одному из наиболее впечатляющих своей суровой горечью рассказов. Мы находим здесь также «Пастуха» и удивительный рассказ «В стране мертвых»¹, где искусство г. Бунина с его насыщенностью и глубиной, с его изобразительной мощью, с его таинственной и неуловимой властью проявляется во всем блеске мастерства. Воображение Бунина окрашено пессимизмом, он наблюдает жизнь со всепонимающей иронией (...) Да, в людях нет ни красоты, ни добра, но разве в мире, их окружающем, нет ничего прекрасного? Ведь есть деревья и цветы, небо и солнечный свет, струящиеся воды, плывущие облака; есть времена года — весна с ее вечным обновлением, осень с ее увяданием, лето с его изобилием, зима с ее бесконечными снегами, сковывающей стужей, с ее короткими днями и долгими ночами, в которых сверкают ледяные звезды, — с этими темными алмазными ночами, когда мороз обретает плоть и запах; все это в передаче г. Бунина становится для нас реальностью, физически ощутимой.

Это проникновение в мир природы г. Бунин сочетает с горестным и пронизательным знанием человека.

«Figaro», 1 августа 1924 г.

III

ИЗ «ПАРИЖСКОГО ОТЧЕТА» ТОМАСА МАННА

1926

Сообщение А. К. Бабореко

В январе 1926 г. Томас Манн приехал в Париж по приглашению группы французской интеллигенции. Здесь, на литературном завтраке у Льва Шестова, произошла его встреча с Буниным, которую он описал в дневнике своей поездки, озаглавленном

¹ Под названием «Le Berger» («Пастух») и «Au Pays des Morts» («В стране мертвых») в сборнике «Le Calice de la vie» (Paris, 1924) были напечатаны рассказ «Игнат» и часть очерков из цикла «Тень птицы».

ОБЪЯВЛЕНИЕ
ОБ ИЗДАНИИ
ПОВЕСТИ «ДЕРЕВНЯ»
НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Берлин, 1936

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького АН СССР, Москва

BRUNO CASSIRER VERLAG · BERLIN

Neuerwerbungen

IWAN BUNIN

Das Dorf

Russen. Deutsch von A. Lohrer. Einbandillustration von Hans Meid
Gebf. RM 1,20, in Leinen RM 2,-

Der Roman erschien bisher: englisch-amerikanisch, französisch, spanisch, dänisch, schwedisch, finnisch, italienisch, serbisch, bulgarisch, tschechisch, polnisch, jiddisch

IN seinem Hauptwerk, dem Roman „Das Dorf“, bietet Bunin ein in seiner Wahlhaltig-keit erstrebendes Bild des russischen Bauern vor dem Kriege. Die Hauptperson ist ein „Jew-lander“, Basen, Kusma Kras- nos, der als Handwerker durch ganz Rußland zieht, alles liest, was ihm an Büchern in die Hände kommt, aber zu guter Letzt we- der mit seiner Bildung erwar- zungen will, noch auf andere Einflüsse auszuweichen vermag. So bringt er es wieder zu Rußland, noch zu Ascher, walfahrer nach allen möglichen heiligen Stätten und kehrt schließlich in das heimatische Dorf zurück. Was ihn und alle die Bauern und Städter, mit denen Kusma auf seinen Wanderungen zusam- menkommt, so quält, ist nicht Werk des bisher als Dichter eines vergangenen romantischen Rußlands bekannten Autors seinen besondern Reiz.

Einbandillustration von Hans Meid

Lebensgemeinschaft, Armut und pro- bierlicher Druck, es ist vor allem das Bewußtsein der Sinn- und Zwecklosigkeit ihres Daseins. Der Charakter des russischen Volkes in seiner grenzenlosen Leidensfähigkeit ist es, der sich in ihnen so lebendig äußert, daß das Buch fast wie eine Prophe- zierung des russischen Kriegs- und Nachkriegschicksals wirkt. Bunin erzählt schmerzhaft über jede persönliche Stellungnahme; und doch liegt ein Hauch warmer Menschlichkeit über der Dichtung, doch fühlt man immer wieder, wie sehr der Dichter an seiner Heimat und an seinem Volk hängt. Diese Haltung und eine große dichterische Gewal- tungskraft im Verbin- mit un- berechenlicher Beobachtung eines harten Wirklichkeit geben dem Werk des bisher als Dichter eines vergangenen romantischen Rußlands bekannten Autors seinen besondern Reiz.

Früher erschien:

Im Anbruch der Tage

Ein autobiographischer Roman

11. Tausend Gebf. RM 2,-, Ganzleinen RM 2,50

Die Grammatik der Liebe

Erzählungen

Gebf. RM 1,20, Ganzleinen RM 2,-

„Der Roman ist durchweht von der Erinnerung an die verlorengegangene Heimat. Aber Bunin ist so verwurzelt in ihr, daß selbst das Exil ihn nicht von ihr trennen konnte, ja daß es an einem wirklichen Meister erst in der Ver- einigung begründet. Er kann mit Recht als der einzige lebende Künstler betrachtet werden, der die Tradition der russischen Realismen fortsetzt und in gewissem Sinne vollendet. Alles ist nur großer Zauber, Fiktion und poeti- sches Illusionsvermögen. Dichtungsgabe, wie sie dem wirklichen Leben eigen sind.“
Dieterich Zohrer

«Парижский отчет» («Pariser Rechenschaft»). Отрывок из «Парижского отчета» Томаса Манна печатается по изданию: Thomas Mann. Gesammelte Werke. В. 10. Berlin, 1956, С. 58—59.

24 Januar (1926)

Der erste, mit dem ich bekannt gemacht wurde, war Ivan Bunin, mit dem ich brieflich schon in Kontakt gestanden hatte, der Meister des «Herrn aus San-Franzisko», einer Erzählung, die an moralischer Wucht und auf- wandloser Plastizität einigen stärksten Dingen von Tolstoi, dem «Polikuska», dem «Tod des Ivan Iljitsch», an die Seite zu stellen ist. Die Geschichte ist nun wohl in alle Sprachen übersetzt. Sie steht auf französisch in voller Greifbarkeit da, wie auch der furchtbar triste Bauernroman «Le Village». Bunin sieht aus, wie ich ihn mir, glaube ich, vorgestellt hatte: mittelgross, rasiert, scharfzünftig, scheint er eher in sich gekehrt als gesprächig. Es ver- steht sich, dass er von Komplimenten über den «Herrn aus San-Franzisko» genug hat. Lieber wollte er etwas über «Mitjas Liebe» hören, und wahrhaftig brauchte ich mich zur Bewunderung auch dieser Eindringlichkeit nicht zu zwingen, denn auch aus ihr wirkt die unvergleichliche epische Überlieferung und Kultur seines Landes...

Перевод:

24 января (1926)

Первым, с кем меня познакомили, был Иван Бунин, с которым я уже обменялся письмами, создатель «Господина из Сан-Франциско», рассказа, который по своей нравственной мощи и строгой пластичности может быть поставлен рядом с некоторыми из наиболее значительных произведений Толстого — с «Поликушкой», со «Смертью Ивана Ильича». Этот рассказ переведен уже, кажется,

на все языки. Во французском переводе он сохранил полностью свою захватывающую силу, так же, как и «Деревня» — этот необычайно скорбный роман из крестьянской жизни. Бунин именно таков, каким я его себе представлял: среднего роста, бритый, с резкими чертами лица, он производит впечатление человека скорее замкнутого, чем разговорчивого. Разумеется, он пресытился похвалами «Господину из Сан-Франциско». Он охотнее услышал бы что-нибудь о «Митиной любви», и, по правде сказать, мне не нужно было себя принуждать, чтобы выразить восхищение ее проникновенностью, потому что и в ней сказалась несравненная эпическая традиция и культура его страны...

IV

БУНИН В СПОРЕ С АНДРЕ ЖИДОМ

Предисловие Т. Л. Мотылевой

Публикация А. К. Бабореко*

Письмо Андре Жида к Бунину, как и страницы его дневника, где упоминается Бунин, представляют интерес вовсе не просто как свидетельство уважения знаменитого французского писателя к его русскому сверстнику и собрату. Самое примечательное в этих документах — отголоски литературного спора, носящего принципиальный характер.

«В ходе беседы, — вспоминает А. Жид в письме к Бунину, — мы обнаруживали, что не согласны друг с другом ни в чем, абсолютно ни в чем... Наши литературные вкусы, наши пристрастия, наши суждения расходились во всем — как в том, что мы одобряли, так и в том, что мы осуждали». В дневнике А. Жида от 28 августа 1941 г. о сути этих разногласий говорится более конкретно: «Его преклонение перед Толстым непонятно мне так же, как его пренебрежение к Достоевскому, Щедрину, Сологубу. У нас с ним нет общих святых, общих богов — это ясно». Ни к Щедрину, ни к Сологубу А. Жид, насколько известно, не проявляя особого интереса. Зато перед Достоевским он преклонялся — по-своему с неменьшей искренностью и постоянством, чем Бунин — перед Толстым. Очевидно, что каждый из участников спора воспринимал и истолковывал своего любимого русского классика своеобразно, во многом субъективно, — у А. Жида был «свой» Достоевский, так же как у Бунина был «свой» Толстой.

Бунин горячо любил Толстого — как художника и человека. Социальная проблематика толстовского реализма, его обличительная сила остались в значительной мере недоступной и чуждой Бунину; в разработке народной, крестьянской темы он шел своими, очень отличными от Толстого путями. Но Бунина покорила нравственная высота Толстого как мыслителя и проповедника и вместе с тем — пластичность, изобразительная мощь толстовского искусства. Преемственная связь с Толстым сказалась в ряде произведений Бунина (особенно в «Господине из Сан-Франциско»), что не раз отмечалось исследователями.

К Достоевскому Бунин относился совершенно иначе, — отчужденно, критически (см. настоящ. кн., стр. 272, 274—275, 278).

В статье «На поучение молодых писателям», опубликованной в 1928 г., Бунин энергично взял под защиту реалистические традиции Толстого. Он вступил в полемику с критиком Г. Адамовичем, который упрекал литераторов, старающихся учиться у Толстого, в чрезмерном пристрастии к бытовизму, к «внешней изобразительности». Адамович призывал писателей отойти от воспроизведения «внешнего мира», вернуться к «миру внутреннему» в его движении и изменчивости. Возражая ему, Бунин саркастически спрашивал:

«Это очень приятно слышать, но кто же это когда отрицал? А потом — что же делать и с этим внутренним миром, без изобразительности, если хочешь его как-то показать, рассказать? Как его описать без описательства? Одними восклицаниями? Нецеленардельными звуками?»

* Перевод публикуемых ниже текстов из дневника Андре Жида и его письма Бунину выполнен редакцией «Литературного наследства».